

(1947—1954; с. 171—487); 3) приложение — переработанный текст доклада «Въезд в Иерусалим на осле (Из евангельской мифологии)» (1923—1930; с. 491—531). Вместе с тем эти работы образуют естественное единство — не только общеконцептуальное: основной связью, более того, основным их нервом является по сути дела реконструкция мифопоэтической картины мира применительно к античной культуре. Во всех исследованиях О. М. Фрейденберг — будь то анализ древнего мышления, становления литературы или конкретного сюжета — на первый план выступает особая восприимчивость автора к глубинному мифологическому уровню, сильно развитая интуиция, позволяющая в почти хаотическом разнообразии материала выделить основоположное единство.

Произошло так, что еще до выхода этого тома помещенные в нем работы (и шире — вообще концепция О. М. Фрейденберг) были подвергнуты серьезному разбору в аспекте современной семиотики и теории мифа. Первым к теме О. М. Фрейденберг обратился Ю. М. Лотман, опубликовавший три ее небольшие работы [1].

Ю. М. Лотман подчеркнул актуальность ряда ключевых идей О. М. Фрейденберг: понимание ритуала как сюжетно-мифопорождающего механизма культуры, правомерность выделения для всех сюжетов инвариантной семантической модели и в связи с этим — изучение парадигматики фольклорных текстов¹. Вяч. Вс. Иванов выделил вклад О. М. Фрейденберг в структурное и семиотическое исследование архаических форм культуры [см. 3], особенно в анализ ранних синкретических форм семиотической деятельности (в частности, древней формы словесного поединка, имеющей вопросоответную структуру, связанную с загадкой). Развернутый анализ опубликованных в рецензируемой книге работ О. М. Фрейденберг содержится в монографии Е. М. Мелетинского [см. 4], познакомившегося с ними в рукописи. Здесь отмечены прежде всего такие идеи, как системность образованной гетерогенными элементами мифологии; введение ключевого понятия метафоры, выражающей комплексное содержание архаических образов; семантический анализ всеобщей тождественности в пределах мифологической модели мира; двойничество, объединяющее противопоставленные члены оппозиции, в частности формирующее «понятие» на уровне, преобразующем мифологический материал в литературу, и др. Наконец, послесловие и комментарии образцового публикатора книги Н. В. Брагинской, заслуги которой должны быть отмечены специально, а также ее предыдущая работа [см. 5] представ-

ляют самостоятельную научную ценность и органично вводят труды О. М. Фрейденберг в контекст современности.

Задача рецензента могла бы быть выполнена уже одним только подробным изложением перечисленных выше работ, единодушных в высокой оценке О. М. Фрейденберг и глубоко проникших в суть и детали ее концепции.

И все же, несмотря на вновь возникший живой интерес к трудам О. М. Фрейденберг, остается оттенок не всегда вполне справедливого или недостаточно спокойного к ним отношения. То, что опережающие свое время взгляды О. М. Фрейденберг в некоторых кругах встречали оппозицию, вполне естественно. Но и теперь, когда они нашли свою аудиторию, они нашли в ней и свою критику. Как кажется, дело здесь не только в необходимой и оправданной переоценке вышедших из обихода концепций (прежде всего марристских; это касается и ценной книги «Поэтика сюжета и жанра», воспринимаемой в какой-то степени сквозь призму марристских взглядов). Семиотическое направление в исследовании мифологии вырабатывало и отчасти черпало свой концептуальный (и, что не менее важно, терминологический) аппарат в иных источниках, которые невольно становятся точкой отсчета, искажающей правильную перспективу при подходе к работам О. М. Фрейденберг. В этом контексте указания, например, на совпадения с Леви-Строссом звучат скорее как комплимент О. М. Фрейденберг, чем как объективный учет независимого развития научной мысли, протяженной во времени и в пространстве. В определенном смысле В. Я. Проппу «повезло» больше, поскольку между первым и вторым рождением его книги открытое им направление не получило развития, так что его идеи оказались равными самим себе, а не преобразенными параллельно и самостоятельно возникшими течениями.

Определенную роль в осторожном отношении к трудам О. М. Фрейденберг играет и обстоятельство достаточно косвенное: слишком яркое проявление авторской индивидуальности, невозможность и нежелание смягчить темперамент в полемичности и категоричности суждений. И снова — дело здесь не столько в эмоциональной реакции, так сказать, попытках сопротивляться напору чужой воли. Обращение О. М. Фрейденберг к темам, общим с теми, которые разрабатывает классическая филология — особая и особым образом сложившаяся дисциплина, чуткая к нарушающим ее гармоническую целостность и известную герметичность нововведениям (ср. хотя бы длительное сопротивление рассмотрению греческого и латинского языка в кругу индоевропеистики), само это обращение в сочетании с несколько свободным отношением к требованиям акрибии в использовании источников не могло не вызвать определенного отчуждения.

¹ Почти одновременно появилась публикация работы О. М. Фрейденберг о греческой лирике [см. 2].